

истинным и ложным, когда враги Церкви прикрывают кровавые пятна на своих ладонях дарами, а свою бесчеловечность щедростью. Плюющие на веру, безграмотные зубоскалы торгуют законом Божиим и требуют выставлять напоказ сладкую жизнь и награды, чей блеск слепит наших юнцов, которых не беспокоит честь и не пробуждает опасность». Мой сочинитель на это отвечает: «Вы что же, хотите; чтоб окруженный растленными душами, я сохранил надежду или чтоб вызвала отклик моя книга, брошенная в грязь вместе с такими писаниями, как «Царство Церкви»³, «Истина»⁴, «Будильник», «Легенда о святой Екатерине»⁵ и другими подобными? Мне стоять в одном ряду с самыми отвязанными смутьянами, поборниками народоправия. Может показаться, что, говоря о тиранах, я подразумеваю королей, и мою верную любовь к нашему великому королю, которую я доказал шпагой, мою благонамеренность, которую провозглашаю всюду, осудят те, с кем сражаюсь, и в особенности несправедное правосудие. А под конец меня обвинят в оскорблении Величества. Дождитесь моей смерти, а потом уж судите мои труды: четвертуйте их, чтоб друзьям и врагам было что править, можете использовать сии писания по вашему усмотрению». Такие оправдания не мешают многим ученым старцам спорить с нашим сочинителем и призывать его на Суд Божий. При этом их возражения наводят на такие мысли: вот уже тридцать с лишним лет, как завершено сие произведение⁶, начатое на войне в семьдесят седьмом году в Капель-Жалю, где автор командовал легкой конницей и заслужил несколько ранений, стоя насмерть в тяжелой баталии. Там он и набросал в виде завещания эти страницы, которые собирался потом отшлифовать и дополнить. Но где сегодня очевидцы событий и чудовищных преступлений того времени, кто при